

ДИСКУССИИ 20 — НАЧАЛА 30-х гг.
О ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

...Если люди, предубежденные против полемики,
имеют в виду интересы истины,
то им следовало бы помнить,
что горячие полемические схватки
иногда безусловно необходимы
для защиты этих интересов.

Г. В. Плеханов

Изучение зарождения марксизма в России с самого начала закономерно выдвинуло на одно из первых мест историко-партийной науки проблему предшественников российской революционной социал-демократии: «последняя не возникла на пустом месте», как говорил М. С. Ольминский¹. Без изучения идеологии и революционной практики «революционеров 61-го года» и «блестящей плеяды революционеров 70-х годов»², воплотивших наивысшие достижения революционно-демократического (разночинского, буржуазно-демократического) этапа освободительного движения, невозможно было найти сами подступы к проблеме зарождения на русской почве пролетарской идеологии и перехода к новому, пролетарскому этапу.

В исследованиях и дискуссиях 20 — начала 30-х гг. проблема предшественников ставилась в двух аспектах: во-первых, как проблема идейных предшественников русской социал-демократии, естественно выдвигавшая задачу изучения соотношения народнической идеологии с идеологией первых марксистских групп и кружков и в связи с этим изучения генезиса социал-демократического направления в революционном движении; во-вторых, как проблема идейных предшественников большевизма, большевистской партии, по необходимости ставившая вопросы генезиса ленинизма. Оба аспекта, тесно переплетаясь друг с другом в различных комбинациях выдвигаемых решений, имели общую исследовательскую задачу — выяснить в предшествующих марксизму-ленинизму передовых течениях русской общественной мысли и революционной практики круг идей, подготовивших почву для

¹ См.: От Истпарта // Бюллетень Истпарта. 1921. № 1. С. 1.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 179; Т. 6. С. 25.

его торжества. Решение этой задачи, упираясь, естественно, в идеологию революционной демократии России, замыкалось на более общей проблеме преемственности идей и революционных традиций в освободительном движении страны.

Научная разработка этих взаимосвязанных проблем вылилась в широкие дискуссии, которые с полным основанием можно назвать научно-политическими: в них нашли отражение все грани классовой и внутривнутрипартийной борьбы 20 — начала 30-х гг. С этим связана необычайная острота в постановке вопросов и в самой полемике, которая заключала в себе немало опасных для науки издержек. Но, как бы там ни было, в страстной борьбе мнений шел процесс осмысления ленинской концепции истории партии, в которой проблема предшественников, принципиально поставленная Лениным еще в 90-х гг., выступала как важная составная часть. На очередь дня вновь выдвигалась проблематика, политическая острота которой требовала строго научных решений.

Они могли быть найдены лишь на основе многих слагаемых исследовательской работы, среди которых творческое освоение ленинских концепций революционно-народнического и социал-демократического движений должно было занять первое место. Так оно и было в действительности: в дискуссиях историков-марксистов наглядно проявилось их стремление именно с ленинских позиций утвердить объективное понимание соотношения большевизма с предшествовавшими ему революционными направлениями и на этой основе отбросить главное обвинение против него — разрыв с историческими традициями освободительного движения в стране. Но путь к правильному решению этого вопроса, занимающего существенное место и в современной идеологической борьбе международного масштаба, оказался еще более сложным, нежели по ряду других проблем истории нашей партии.

В попытках его концептуального решения первенствующее место принадлежит М. Н. Покровскому («Русская история в самом сжатом очерке» и «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.»). Написанные в течение 1920—1924 гг., эти работы отразили страстное стремление историка-большевика применить марксистско-ленинскую методологию к осведению революционного процесса, увенчавшегося победоносной социалистической революцией. Проблема соотношения революционного движения домарксистского периода с рус-

ской социал-демократией и большевизмом волновала его мысль до конца жизни. Несомненная заслуга ученого состояла в том, что он, пересматривая свои прежние представления и подвигаясь шаг за шагом ко все более глубокому усвоению ленинских взглядов, дал новаторскую постановку проблемы революционного движения в целом. Говоря о своем «четырёхтомнике» как первом марксистском курсе русской истории, Покровский признавал, что в нем «устарела вся конструкция такого важнейшего отдела, как революционное движение»¹. Указанные работы (особенно вторая из них) отразили изменение его точки зрения на этот «отдел».

В результате получилась действительно новая и весьма жесткая «конструкция», в основе которой лежала проводимая в вульгарно-социологическом духе связь между экономическими интересами определенных классов и общественным, а также и революционным движением. По собственному признанию Покровского, в обеих указанных работах стержнем русской истории оставалась борьба торгового и промышленного капитала на русской почве². Сквозь призму этой борьбы он рассматривал всю историю революционного движения в России: оно выступало как нечто производное драматического противоборства между промышленным капиталом и самодержавием как политической организацией капитала торгового. Автор позднее утверждал, что в его историческом анализе «нет ни одной строки, не подбитой фактами, нет ни одного утверждения, обоснования которому нельзя было бы найти в источниках»³. Но дело в том, что анализ источников и интерпретацию фактов он подчинил доказательству этой «стержневой», по сути дела методологической, установки, которая в применении к истории освободительного движения могла дать лишь крайне противоречивую картину, заключающую в себе, наряду с правильной марксистской первоосновой, «рискованные параллели и недопустимые вульгаризаторские сопоставления»⁴. Это было следствием сознательной установки историка на то, чтобы проследить большевистские «лозунги до самых послед-

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. 2-е изд. М.; Л., 1927. С. VII.

² См. там же. С. 9.

³ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 316.

⁴ Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 190.

них корней». «С этой точки зрения, — писал он, — главным образом для нас и интересно... революционное движение 60-х и 70-х годов. С точки зрения *эмбриологии* его собственно и стоит изучать»¹.

В 1923 г. Покровский выступил со статьей «Корни большевизма в русской почве». Здесь он проводил мысль, что большевизм — выражение непримиримого революционного коммунизма — зародился на почве России, и уже в силу этого выводить его непосредственно из учения Маркса и Энгельса «было бы насилием над историей». «Идейным отцом большевизма, конечно, является Маркс, — писал Покровский, — но реальная историческая связь — это связь общественных отношений, а не связь идей. Идеи лишь отражают общественные отношения»². Исходя из этого, он настойчиво проводил мысль, что развитие капитализма в России породило здесь идеи, которые были марксистскими задолго не только до русского марксизма, но и «до самого Маркса»³. Пестель, «Молодая Россия», Ткачев — это, по мысли автора, единая линия развития идей марксизма и большевизма, единая линия «максималистских» (большевистских) установок, противостоявших «минималистским» (меньшевистским) позициям (Петрашевский, «Великорусс», меньшевики).

Мы увидим далее, что эти идеи оказали серьезное влияние на подход ряда советских историков не только к проблеме идейных источников большевизма, но и ко всем основным вопросам зарождения и развития марксизма в России.

В «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровский трактовал освободительное движение в России на основе своей идеи о том, что каждый класс делает свою революцию. В соответствии с этим он укладывал это движение в простую схему трех революций: буржуазной, народнической, рабочей. Первая связывается с выступлением декабристов (14 декабря 1825 г. — «первое и последнее революционное выступление буржуазии в России»), вторая — с движением мелкобуржуазной интеллигенции («народническая революция»), третья — с движением рабочего класса. В «народнической революции» автор выде-

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 50.

² Покровский М. Н. Корни большевизма в русской почве // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. Пг., 1923. С. 81—82.

³ Там же. С. 83.

лил «Молодую Россию», в которой усмотрел не только «пророческое предвещание» формы и цели будущего социалистического переворота, но и «многие отдельные меры», проводившиеся в стране после Октябрьской революции¹.

Выяснение «пророческих черт» будущей пролетарской революции в движении предшественников, отчетливо намеченное в «Сжатом очерке», стало отправным в «Очерках по истории революционного движения XIX и XX вв.». Большая часть этих черт была найдена Покровским в теоретических представлениях народников 40—70-х гг., чье мировоззрение он определял как воображаемый мелкобуржуазный социализм². В то время он не сумел четко определить классовую первооснову этого социализма: приверженность революционной интеллигенции к утопически-социалистическим идеям он объяснял ее общественным положением, характером труда «типичных ремесленников, работников-одиночек». Е. Мороховец в свое время находил это объяснение гораздо более удачным по сравнению с тем, которое историк выдвигал в «Сжатом очерке», где он ставил мелкобуржуазность идеологии революционных народников в прямую связь с их мелкобуржуазным происхождением³. Но именно последнее объяснение приближало Покровского к истине, что, казалось бы, должно было предостеречь его от поисков истоков большевизма в идеологии народничества, которое он, кстати, в идейном отношении связывал с огромным влиянием Прудона и Бакунина. На деле же автор «Очерков» сосредоточил свое внимание главным образом на тех моментах, которые, по его словам, «являются пророческими» и, следовательно, наиболее интересными⁴.

Основанием для сближения идеологии двух различных классов служила, видимо, устанавливаемая Покровским хронологическая связь основных «волн» народнического движения, с одной стороны, и рабочего — с другой. Этой связи тогдашняя интеллигенция, по мнению историка, не создала, но рабочее движение было почвой, на которой родился «странный социализм с его культом общины».

¹ См.: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921. Ч. 1—2. С. 126, 141.

² См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 44.

³ См.: Пролетарская революция. 1924. № 12 (35). С. 295—296.

⁴ См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 44.

Рабочее движение толкало интеллигенцию к мысли о социализме, но из-за своего положения «ремесленников-одиночек» она не могла воспринять пролетарский социализм и находила его в учениях Фурье и Прудона, а также в крестьянской поземельной общине. В крестьянстве она видела «главную свою надежду», с чем и была связана ее социалистическая идеология, ее культ общины¹.

Эта противоречивая постановка вопроса вовсе не так беспочвенна, как может показаться на первый взгляд. Достаточно вспомнить мысли Ленина об утопическом социализме как симптоме, выразителе, предвестнике выхода на историческую арену рабочего класса², об отражении народничеством «противоположности интересов труда и капитала»³, чтобы понять, что мысль Покровского устремлялась к сложнейшим вопросам соотношения экономического базиса с идеологическими образованиями, стихийной борьбы масс с революционной идеологией. Историк лишь угадывал, порой пунктирно намечал решение этих вопросов, и это было в высшей степени плодотворно. Но самые глубокие догадки, учитывая указанную отправную идею автора, не могли предохранить от модернистских увлечений.

Не останавливаясь подробно на его аргументации, отметим только некоторые моменты, имеющие прямое отношение к теме. В революционном движении 60-х гг. Покровский находил «меньшевистские» и «большевистские» течения и соответствующую им тактику. Н. Г. Чернышевского, «гениального русского экономиста», он рассматривал в «Очерках» как родоначальника большевистской аграрной программы, с одной стороны, меньшевистской тактики — с другой⁴. Прокламацию «Молодая Россия» он противопоставлял «Великоруссу» и приводил как «образчик настроения большевистского», усматривая в ней ряд «чрезвычайно пророческих» черт, первый памятник русского революционного социализма, в котором «многие черты будущей пролетарской революции... уже налицо». П. Н. Ткачев уже якобы представлял марксистское понимание истории. Разработанная С. Г. Нечаевым и его

¹ См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 43—45.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 120.

³ Там же. Т. I. С. 422.

⁴ Позднее, в 1927 г., Покровский утверждал, что Чернышевский «был уже зародышем социал-демократии, т. е. представителем городского рабочего движения...» (см.: Покровский М. Н. Шапов А. П.: (К 50-летию со дня кончины) // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 12.

единомышленниками зимой 1868/69 гг. «Программа революционных действий» рассматривалась как «план назначенной революции», который «реализовался почти буква в букву 25 октября старого стиля 1917 г.». Здесь же, в 60-х гг. XIX в., Покровский находил «некоторые черты будущей революционной организации, отлившейся в партию большевиков...»¹.

В том же ключе Покровский рассматривал и последующее движение революционного народничества. К середине 70-х гг., полагал он, революционеры разочаровались в своей ориентировке на крестьянство. Одни из них (Заславский, Плеханов и деятели рабочего движения) взяли курс на рабочих, другие, во главе с Желябовым, — на буржуазию². Впрочем, Желябов, осознав, что ориентировка на буржуазию ничего не дает, примкнул к ориентировке «на массу рабочих». Результатом явилась разработанная им «Программа рабочих членов партии «Народная воля», в которой Покровский нашел «идеи самостоятельной рабочей партии», совершенно четкую социал-демократическую тактику» и т. п.³ Во всем этом он видел прогрессирующий отход революционеров от старой идеологии, отход, который завершила группа «Освобождение труда».

Не останавливаясь пока на эволюции взглядов Покровского в решении этого вопроса, отметим, что его методологически несостоятельные, но концептуально законченные выкладки снимали вопрос о революционном по своей сущности мировоззренческом перевороте, который связан с теоретической деятельностью группы «Освобождение труда». А это неизбежно вело к неверным трактовкам идеологии предшественников, к серьезным ошибкам в постановке всей проблемы возникновения и генезиса революционного социал-демократизма в России.

Под влиянием М. Н. Покровского известный крен в сторону модернизации общественно-политических воззрений П. Н. Ткачева допускал еще молодой в ту пору историк Б. П. Козьмин. Излагая взгляды «русского бланкиста» на проблему государства, он находил, что они очень близки к нашей современности. «Не называя диктатуру пролетариата своим именем, Ткачев все время говорит о ней», — утверждал Б. П. Козьмин. По его мнению,

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 46—53.

² См. там же. С. 77.

³ См. там же. С. 79—80.

Ткачев не только намечал идею диктатуры пролетариата, но и облакал ее в определенные формы, дающие «поразительное совпадение с практикой русской революции...»¹. Так, абстрагирование автора от ткачевского понимания движущих сил революции и роли в ней революционного меньшинства оборачивалось полной утратой исторической перспективы.

Ту же тенденцию проводил в своей книге о П. Л. Лаврове И. Книжник-Ветров². В эклектических, идеалистических в своей основе воззрениях видного теоретика народничества 70-х гг. автор находил не только «элементы марксизма», но и «элементы большевизма». Он утверждал, что в большевистском духе Лавров разрешил вопрос о государстве, а в области практической политики он в том же духе решал почти все вопросы, предвосхитив «очень многие мероприятия нашей революции». В частности, он якобы почти предвосхитил политику Ленина и Коминтерна в решении вопроса о союзе пролетариата и крестьянства³.

Взгляды М. Н. Покровского и Б. П. Козьмина на проблему «исторических корней большевизма» развивал С. И. Мицкевич, который в 1923 г. сделал, по его собственным словам, попытку свести воедино рассеянные в литературе данные о мало известном течении русского революционного движения — русском якобинстве — бланкизме⁴. К этому течению он отнес кружок П. Г. Зайчневского, кружок Н. А. Ишутина, который будто бы «продолжал линию... Зайчневского», С. Г. Нечаева (до его поездки за границу весной 1869 г.), П. Н. Ткачева, а также «левое якобинское крыло» в «Народной воле». Основанный на весьма поверхностных параллелях анализ «якобинского течения» С. И. Мицкевич всецело подчинил доказательству того, что «русское якобинство», умершее вместе с уходом из жизни его провозвестника П. Г. Зайчневского (1896 г.), воскресло в новом виде «в русском

¹ Козьмин Б. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922. С. 112—113.

² Книжник-Ветров И. П. Л. Лавров. Л., 1925 (2-е изд. в 1930 г.).

³ См. там же. 2-е изд. Л., 1930. С. 92, 98. Некоторые идеи П. Л. Лаврова, касающиеся понимания характера и сущности грядущей социальной революции, а также организации революционных сил, сблизил с большевизмом и Б. И. Горев (см.: Горев Б. И. От Томаса Мора до Ленина, 1516—1917. 2-е изд. М., 1922. С. 99—100).

⁴ См.: Мицкевич С. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6—7 (18—19). С. 3.

марксизме — в революционном крыле русской социал-демократии — в большевизме»¹.

Первоисточники большевистских идей Мицкевич, как и Покровский, нашел в прокламации «Молодая Россия». Признавая, что на ней лежит печать утопизма, он тем не менее усмотрел здесь «много таких лозунгов, которые претворены или претворяются в жизнь через 50 с лишком лет Октябрьской революцией...»². Даже в ранних статьях Ткачева (1866—1869 гг.) он обнаруживал идеи диктатуры пролетариата, хотя, не замечая противоречия, и подчеркивал: «Беда русских якобинцев была в том, что они не усмотрели русского рабочего класса... его революционной роли и не могли с ним связаться». Это, по мнению С. Мицкевича, единственное, что отделяет от большевиков «русских якобинцев» — гениальных утопистов, ставших «провидцами будущего хода русской революции, которая... пошла совсем «по-якобински»³.

Эту мысль Мицкевич иллюстрировал выдержками из брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России». Утопичность Ткачева, по его мнению, состояла только в том, что он переоценил тогдашнюю готовность народа к революции. «Но, — указывал он, — факт все-таки неопровержим: русская революция в значительной мере произошла по Ткачеву: путем захвата власти в заранее назначенный срок (25 октября) революционной партией, организованной по принципу строгой централизации и дисциплины, и эта партия, захватив власть, действует во многом по тому методу, который рекомендовал Ткачев»⁴. В этой связи Мицкевич, вопреки известным высказываниям Ф. Энгельса, совершенно неосновательно писал, будто в утверждении Ткачева о беспочвенности русского правительства («висит в воздухе») была известная доля истины. Это понадобилось автору для того, чтобы снять помету в установлении им тождества взглядов Ткачева и

¹ Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 24. С. Мицкевич еще в конце 80-х гг. имел личные контакты с П. Г. Зайчневским (см.: Мицкевич С. О П. Г. Зайчневском: (Страничка воспоминаний) // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 19—20).

² Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 25. Автор верно объяснял это объективным состоянием русского рабочего класса. Но он ошибался, отказывая Марксу и Энгельсу в понимании его роли в развитии революционного движения в России даже применительно к началу 80-х гг. (см. там же. С. 17).

³ Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 25.

⁴ Там же. С. 16.

Ленина на «роль революционного меньшинства в революции».

Не ограничиваясь этим, Мицкевич настойчиво проводил мысль о созвучности и близости «позитивной программы» Ткачева с большевизмом. Перечислив преобразования, которые, по Ткачеву, должно было осуществить после переворота революционное государство, автор восклицал: «Как современны и близки нам все эти взгляды Ткачева! И наш теперешний строй не есть ли осуществление мечты Ткачева, что революционная партия, захватив власть, будет править, опираясь на «Народную Думу». Эта «Народная Дума» то же, что наши Советы»¹.

В полном согласии с точкой зрения М. Н. Покровского С. И. Мицкевич рассматривал и народовольческую «Программу рабочих членов партии «Народная воля». В ней он видел выражение взглядов «левого якобинского крыла» последней. Прочитав ту часть документа, в которой излагается «общий план деятельности партии во время переворота», автор писал: «Это уже даже лучше, чем по Ткачеву, это уже почти по-большевистски. Эту программу следует признать этапом перехода от народничества к революционному марксизму...»² Этот несостоятельный тезис естественно вытекал из общих глубоко ошибочных представлений Мицкевича об идейных «корнях большевизма».

Свои взгляды по данному вопросу он суммировал в ответе на резкую критику его позиции со стороны Н. Н. Батурина. Основываясь на крайне расплывчатом понятии «революционной агитации», Мицкевич доказывал, что «у западноевропейских бланкистов и у их русских последователей якобинцев было больше всего элементов» последнего; поэтому их можно считать *предшественниками* революционного марксистского социализма». Зайчневский и Ткачев, по его мнению, «являлись наиболее чистыми для своего времени русскими социалистами, наиболее преодолевшими мелкобуржуазность...»³. В их взглядах он нашел *элементы* пролетарского социализма, что и позволило сделать вывод о большевиках как преемниках якобинцев-бланкистов, осуществивших их заветы.

¹ Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 14—15.

² Там же. С. 21. Эту программу Мицкевич ошибочно противопоставлял «Программе Исполнительного Комитета «Народной воли». Неправильно, как документ «уже совсем в либеральном духе» он оценивал и известное письмо ИК «Народной воли» Александру III.

³ Мицкевич С. К вопросу о корнях большевизма: (Ответ Н. Н. Батурина) // Каторга и ссылка. 1925. № 3 (16). С. 94—95.

Но на этот раз С. И. Мицкевич дал более расширительную трактовку вопросу: он поставил его как проблему предшественников марксизма в России вообще. «...Русский марксизм, и большевизм в особенности,— писал он,— был синтезом ряда предшествующих революционных течений»¹. В этой связи автор указал на «Черный передел», из направления которого якобы вошли в большевизм определенные элементы, но пальму первенства он отдавал ткачевскому якобинству и народовольчеству, поддерживая более близкое «идейное родство большевизма» с ними. «Старое якобинство связывается с рабочим классом — получается большевизм». К «неплохому» наследству якобинцев-бланкистов, приумноженному и переработанному, большевики «присоединили еще огромное новое наследство — марксизм, а из соединения их... и получился ленинизм-большевизм»².

К подобным выводам, не имеющим ничего общего с подлинно научным анализом, могло привести лишь полное игнорирование принципа историзма и классовых критериев в оценке тех направлений общественной мысли, которыми оперировал Мицкевич для своих внеисторических, субъективистских построений. При этом, полностью отождествляя якобинство и бланкизм, он пытался опереться на известную мысль Ленина: «Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»³. Но эта попытка была заведомо неудачной: мысль Ленина ни в коей мере не подкрепляла позицию Мицкевича, напротив, она лишь оттеняла методологическую несостоятельность его аналогий и параллелей, полную неправомочность сближения мелкобуржуазных теоретиков, делавших ставку на захват государственной власти с помощью заговора революционного меньшинства, и революционных марксистов, которые решительно порвали не только со всеми традициями заговорщичества и бланкизма, но и со всей системой утопически-социалистических представлений своих исторических (но отнюдь не идейных!) предшественников.

Наиболее последовательным и решительным оппонентом С. И. Мицкевича выступил Н. Н. Батурин. Статью «Русские якобинцы» он оценил как образец «историче-

¹ Мицкевич С. К вопросу о корнях большевизма. С. 100.

² Там же. С. 100—101.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 370.

ской напраслины». Признавая вполне законной и желательной переоценку старого революционного движения на основе нового революционного опыта, Батуриным справедливо писал: «Но беда в том, что беглый взгляд на пройденный путь с высоты занятых позиций... нередко приводит к поверхностным аналогиям, жестоко искажая историческую перспективу»¹. В статье Мицкевича это искажение явилось результатом упорного нежелания признать мелкобуржуазный характер «ткачевских утопий», некритического отношения к их словесному обрамлению, абстрагирования от классового содержания общественно-политических взглядов Ткачева, что и позволяло сблизить их с большевизмом. В противовес безосновательным, чисто формальным сопоставлениям высказываний Ткачева и Ленина, к которым прибегал Мицкевич, Батуриным привел важную ленинскую мысль из «Писем о тактике» (апрель 1917 г.): «Кто желает думать и учиться, тот не может не понять, что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы рабочих и т. д. депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние *внутри* таких Советов, не может, прямо-таки *не может* сбиться в болото бланкизма»².

В связи с этим Батуриным особо подчеркнул, что «действительная преемственная связь» революционных марксистов с «русскими якобинцами», народолюбцами, совершенно чуждыми современному пролетарскому коммунистическому движению, лежит в плоскости свойственной всему русскому освободительному движению традиции политической борьбы против царизма. «Но это не мешало в той же «Искре»... — писал он, — вести отчаянную борьбу против эсеров, как преемников ткачевского, мелкобуржуазного социализма. Эти позднейшие преемники «русских якобинцев» своей ролью в революционном движении гораздо ярче, нагляднее, чем сам Ткачев, показали, что представляют собой якобинец, не связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы»³.

Позднее, в 1925 г., отвечая на критический отклик Мицкевича, Батуриным в статье «Еще о цветах русского якобинства» вновь подчеркнул беспочвенность «большевиза-

ции» идей «русских якобинцев»: «Решительно никаких элементов пролетарского социализма в социалистических программах Зайчневского и Ткачева мы не найдем... Зато мы найдем в них все признаки мещанских социалистических утопий. Между этими реакционными утопиями и большевизмом нельзя не только ставить «знак равенства», но и проводить какие бы то ни было аналогии»¹.

Определенная прямолинейность этого взгляда, в известной мере размывающая грани между идеологией крестьянства и идеологией мелкой буржуазии², предопределила однобокий характер выдвинутого Батуриным решения проблемы предшественников большевизма. Вопреки известным положениям В. И. Ленина, он, по сути дела, исключал из их числа не только «блестящую плеяду революционеров 70-х гг.», но и... Плеханова. Право именоваться таковыми он оставлял лишь за деятелями рабочей демократии того же десятилетия. Справедливо подчеркивая неразрывность связи теории и практики, слова и дела как самую характерную черту Ленина, историк противопоставил ему первое поколение русских марксистов во главе с Плехановым на том основании, что последний «был весьма авторитетным учителем, но никогда не был практическим вождем рабочего движения». «Резкое разделение марксистов на «теоретиков» и «практиков» в начале нашего социал-демократического движения, — писал он, — было одним из последствий той отвлеченно-философской трактовки всех насущных вопросов рабочего движения, которая давалась в блестящих литературных работах Плеханова, никогда, однако, не дававшего практику «прямого и ясного ответа на проклятый вопрос: что делать?»³ Полагая, что теоретическая мысль и революционная практика органично сочетались лишь у таких вожаков рабочего движения, как П. Алексеев, С. Халтурин, П. Моисеенко, Батуриным делал категорический вывод: не Плеханов, а именно они «были истинными предшественниками Ленина, как вождя рабочего класса»⁴.

Подобное противопоставление базировалось на свойственном Батуриным преувеличении теоретической зрелости деятелей рабочей демократии 70-х гг. Мысль же о разрыве теории и практики, намечавшаяся будто бы «с самого осно-

¹ Батуриным Н. Н. Сочинения. М.; Л., 1930. С. 373. Цитируемая статья впервые опубликована в журнале «Пролетарская революция» (1924. № 7 (30)).

² Там же (ср.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 138).

³ Батуриным Н. Н. Сочинения. С. 374, 378—379.

¹ Батуриным Н. Н. Сочинения. 1930. С. 397—398.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 414.

³ Батуриным Н. Ленин — выразитель русского рабочего движения // Молодая гвардия. 1924. № 2—3. С. 250.

⁴ Там же. С. 251.

вания русской социал-демократии», находится в полном противоречии с историческими фактами, поскольку речь идет не только о группе «Освобождение труда», но и о социал-демократическом движении 80 — начала 90-х гг. в целом. Но и к Плеханову указанная мысль не могла иметь никакого отношения, если рассматривать вопрос в конкретно-историческом разрезе. В тот период Плеханов-теоретик давал ясный и четкий ответ на вопрос «что делать?»: готовить элементы для создания самостоятельной социалистической партии рабочего класса путем неустанной работы над развитием его политического самосознания. Именно к решению этой проблемы сводилась не только теоретическая, но и практическая деятельность группы «Освобождение труда».

П. Н. Лепешинский справедливо упрекал Батурина в том, что он «перегибал палку», когда отрицал преемственную связь между марксизмом группы «Освобождение труда» и ленинизмом. «Все-таки, как-никак,— писал он,— предшественником Ленина как теоретика марксизма в России (а без этой своей ипостаси он не был бы вождем рабочего класса) был именно Плеханов, а не полумарксистские представители и «практики» русского рабочего движения, хотя бы то были и такие крупные индивидуальности, как Петр Алексеев или Халтурин»¹.

Выдвигая свою идею о разрыве теории и практики в качестве характерной черты русской социал-демократии доленинского периода, Батурин делал далеко идущие и исторически неверные обобщения. Он утверждал, что этот разрыв не был какой-то временной, тактической неувязкой или несчастной односторонностью теоретиков и практиков: «На самом деле он означал не что иное, как постепенное отступление от революционной линии и теории и практики»². Иначе говоря, исторически обусловленную узость практической деятельности пионеров российского марксизма, отсутствие их связи с массовым движением пролетариата автор совершенно неосновательно представлял в виде некоего «отчуждения марксистской теории от революционной практики», обозначившего... сползание к оппортунизму. Н. Н. Батурин в данном случае не сумел понять, что раздельное существование «социализма» и рабочего движения в 70-е гг. (В. И. Ленин говорил об этом, имея в виду, разумеется, народнический утопический социализм¹) не имеет ничего общего с принципиально новым соотношением и определяющими тенденциями развития социал-демократического и рабочего движения: в действительности они шли навстречу друг другу.

В 1926 г. в связи с 50-летием со дня смерти М. А. Бакунина вопрос о предшественниках революционной социал-демократии, большевизма вновь привлек внимание историков партии. На объединенном заседании Коммунистической академии и Общества историков-марксистов были заслушаны доклады Ю. М. Стеклова и В. Полонского — известных знатоков биографии и литературного наследия «апостола анархии»². Оба доклада явились попыткой пересмотреть общепринятые представления об идеологии и практике Бакунина, по-новому поставить проблему значения его наследия для судеб революционного движения в России.

Само название доклада Ю. М. Стеклова («Что разделяет и сближает нас с Бакуниным») предопределяло его внутреннее содержание и идейный смысл. Как историк-марксист, он не мог не отметить, что от Бакунина «нас отделяет... непонимание им роли и значения пролетариата в развивающемся капиталистическом обществе, значение его политической организации... непонимание им необходимости завоевания политической власти как орудия для торжества социальной революции и для уничтожения классов»³. Но влед за тем, стирая, по сути дела, принципиальную классовую грань между буржуазной и пролетарской идеологией, Стеклов пытался доказать, что у «основоположника анархистской доктрины», наряду с вредными для революции мыслями, содержалось «очень много правильного и здравого, что дает ему право на бессмертие», что сближает его... с Марксом, с большевизмом⁴.

Ю. М. Стеклов обосновывал эту несостоятельную мысль указанием на то, что Бакунин, как и Маркс, был представителем революционного социализма, в отличие от оппортунистического социализма II Интернационала. «В этом отношении,— писал он,— Бакунин был учеником Маркса». Некритически воспроизводя бакунинскую фра-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

² См.: Полонский В. Михаил Александрович Бакунин: Жизнь, деятельность, мышление. М., 1922; Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность, 1814—1876. Т. 1—4. М.; Л., 1926—1927.

³ Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 31.

⁴ См. там же. С. 24, 31—41.

¹ История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 266.

² Батурин Н. Ленин — выразитель русского рабочего движения. С. 251.

зеологию (мы не говорим уже о крайне односторонней характеристике идеологии II Интернационала), Стеклов утверждал, что Бакунин был «первым, пожалуй, даже не русским, а мировым социалистом, который правильно, во всю ширь поставил национальный вопрос» и явился тем самым «предшественником Ленина», как и в вопросе «о поражении вообще и о поражении русского империализма в частности», о федерализме (предсказывает РСФСР!), о борьбе с религиозным мировоззрением и т. д. Бакунин якобы предвосхитил идею союза рабочего класса и крестьянства и даже «разумно и правильно» наметил «такое состояние, какое приблизительно создалось у нас после Октябрьской революции». Если отбросить свойственный Бакунину «фетишистский ужас перед революционными декретами и законами», то мы получим, утверждал Стеклов, «совершенно правильную позицию, на которой стоим теперь... говоря о смычке города с деревней, о роли кооперации в деревне и т. п.»¹. Более того, Бакунин, с точки зрения Стеклова, выступил пророком, умственному взору которого «предносились» ленинские принципы партийного строительства, идеи, которые лежат «в основе и нашей точки зрения на партию...»².

Именно эту мысль Стеклова развивал В. Полонский. Если Стеклов, принижая значение I Интернационала в деле руководства международным рабочим движением, недвусмысленно превозносил заговорщические планы Бакунина по созданию архивавторитарной организации, которая будто бы только и была способна «повести за собой революционную массу в момент социальной революции и обеспечить ей успех»³, то В. Полонский как бы подводил под эти надуманные выкладки теоретическую базу: он превратил Бакунина-анархиста в Бакунина-якобинца, а в качестве такового — в прямого предшественника революционных социал-демократов. Вполне понятно, что автор этой искусственно сконструированной метаморфозы находил «самым превратным» и наивным представление Ф. Энгель-

¹ Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 39. Еще в 1922 г. в Предисловии к первому изданию своей монографии о Бакунине Ю. М. Стеклов утверждал, что Бакунин «явился основоположником не только европейского анархизма, но и русского народнического бунтарства, а через него и русской социал-демократии, из которой вышла Коммунистическая партия» (см.: *Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность*. М., 1926. Т. 1. С. 9).

² Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 37.

³ Там же.

са о Бакунине¹ и совершенно неосновательно пытался противопоставить ему тот взгляд, который незадолго перед тем развивал С. И. Мицкевич.

Анализируя принципы организации тайного общества (на основе проекта, составленного Бакуниным в Италии в 1866 г.), В. Полонский пришел к выводу, что в них «величайший мелкобуржуазный революционер» выступал «как якобинец, бланкист, прекрасно понимающий необходимость и силу организованности»². В этой связи автор верно отметил ряд противоречий в теории и практике бакунизма. Но эти противоречия не дают никаких оснований для отождествления последнего с бланкизмом, а тем более — с якобинством. Полонский, сближая научный социализм и анархизм, абстрагировался от характера создававшейся Бакуниным тайной заговорщической организации, направленной на то, чтобы, говоря словами Маркса и Энгельса, «дезорганизовать Интернационал и тем самым подчинить его тайному иерархическому и самодержавному правлению Альянса», вовлечь великое творение пролетариата «в сети, расставленные... отбросами эксплуататорских классов»³.

Не сумев разграничить понятия «якобинизм» и «бланкизм», В. Полонский сделал глубоко ошибочный вывод о том, что Бакунин «на деле фактически, в настоящей, в практической революционной борьбе вводил в свою организационную работу все те основные положения, которые вошли в железный инвентарь революционной борьбы всякой подлинной революционной партии, в том числе и партии коммунистической»⁴. Характерно, что указание на «революционную страсть» Бакунина и его «ненависть к поганому капиталистическому строю» было для Полонского достаточным основанием, чтобы сближать его с Марксом, «нашей эпохой», видеть в нем «величайшего предтечу Октябрьской революции»⁵.

Как видим, к середине 20-х гг. сложилась вполне определенная историографическая тенденция, размывавшая классовые грани между различными домарксистскими утопически-социалистическими теориями и большевизмом. Но в результате постепенного уяснения того, что в рамках этой тенденции методологическая проблема идейных исто-

¹ См.: Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 43.

² Там же. С. 52.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 425—426, 426—427.

⁴ Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 61—62.

⁵ Там же. С. 62.

ков большевизма не может получить подлинно научного решения, исследовательская мысль обратилась к углубленному изучению ленинского наследия и на этой основе к более тщательному анализу классовой сущности и общественного значения идеологических форм, предшествовавших возникновению марксизма в России, к более точной научной квалификации соотношения их с пролетарской идеологией, с пролетарской революционностью.

Все эти поиски ярко высветила дискуссия 1928 г. о Н. Г. Чернышевском в связи со 100-летием со дня его рождения. В ходе ее в тесной связи с общей оценкой деятельности великого революционного демократа важное место заняли и вопросы соотношения его мировоззрения с марксизмом, с учением В. И. Ленина. С позиций указанной историографической тенденции эти вопросы были поставлены Ю. М. Стекловым. К юбилею он опубликовал ряд статей, брошюру, а затем и двухтомную монографию о жизни и деятельности Чернышевского¹. 4 мая 1928 г. в Обществе историков-марксистов Стеклов выступил с докладом о политических воззрениях Чернышевского. Здесь он суммировал свои взгляды на преемственную связь этих воззрений с марксизмом-ленинизмом. Объявив Чернышевского «основоположником и пионером коммунизма в России», докладчик подчеркнул, что он впервые обосновал взгляды, «впоследствии получившие законченную формулировку в учении Маркса и Энгельса — революционном коммунизме».

Глубинная мысль Стеклова сводилась к доказательству того, что Чернышевский самостоятельно разработал такую систему взглядов, которая «остаётся верной до сих пор», ибо совпадает — в наиболее существенных моментах — с учением Маркса и Ленина². Особенно созвучным современному коммунизму (= большевизму) автор считал политические воззрения и политическую тактику Чернышевского. «...Если брать его политические воззрения как нечто целое, — утверждал он, — то мы должны сказать, что по всем направлениям... по всему подходу к анализу политических вопросов, по широчайшим перспективам, которые он набрасывает, по всей последовательности Чернышевский... в области политики, как и в области философии и многих

¹ Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский: Его жизнь и деятельность. Т. 1—2. М.; Л., 1928. Книга представляет собой исправленное и дополненное издание дореволюционной работы автора, вышедшей в свет в 1909 г.

² См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 129.

других, — несомненно, является нашим предшественником, человеком, на полвека предупредившим многое из того, о чем учил Ленин»¹. Чернышевский, по мнению Стеклова, «предсказал ход революции 1905 года и предвидел Октябрь...»².

Выступая затем в прениях по докладу М. Н. Покровского («Чернышевский как историк»), Стеклов, уточняя, а в известном смысле сдавая свою позицию, говорил: до марксизма Чернышевский не дошел, нельзя утверждать, что он был «законченным марксистом и большевиком». Но он был нашим предтечей и в политике, и в философии, и во всех других областях³. Эта точка зрения позволяла Стеклову как бы вырывать Чернышевского из контекста всего революционно-демократического движения и утверждать, что он протягивал руку современным коммунистам через голову ряда поколений, забывших и искавших его (в частности, через голову народников, которые «незаконно» провозгласили его своим учителем)⁴.

Ю. М. Стеклов хорошо понимал, что его взгляды стоят в противоречии с концепцией Ленина, который считал Чернышевского социалистом-утопистом. В ходе дискуссии он признал «кое-какие элементы утопизма» у Чернышевского, но тем не менее отстаивал мысль, что «как раз в том пункте, где Ленин считал его утопистом (будто бы Чернышевский действительно считал возможным непосредственный переход от патриархальной крепостнической общины помимо капитализма к социализму), именно здесь Чернышевский утопистом не был». Историк фактически обвинял Ленина в упрощенной постановке вопроса и пытался доказать, что «Чернышевский отвечал на вопрос о путях перехода России к социализму так, как отвечали на него позднее Маркс и Энгельс»⁵. Это было, конечно, явное недоразумение, логически вытекавшее из свойственных Стеклову модернизаторских увлечений.

Взгляды Стеклова в известной мере разделил Рязанов, также находивший выводы Чернышевского «по типу своему» марксистскими. Но, в отличие от Стеклова, он отмечал влияние Чернышевского на весь ход последующего революционного движения. Рязанов утверждал, что глава «Современника» подготавливал революционное движение

¹ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 131.

² Там же. С. 135.

³ См. там же. С. 140.

⁴ См. там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 138.

70-х гг. в его самых крайних проявлениях, а с другой стороны, своей последовательной критикой либералов толкал своих читателей к социал-демократизму. По сути дела, Рязанов соглашался с Плехановым, который видел в Чернышевском родоначальника нового, социал-демократического периода революционной мысли¹. Тем не менее он справедливо считал, что Плеханов «первой манеры (т. е. марксистского периода.— *Р. Ф.*) был более прав в своей характеристике Чернышевского», нежели Стеклов².

Концепция Ю. М. Стеклова встретила возражения со стороны абсолютного большинства участников дискуссии как в самом Обществе историков-марксистов, так и в юбилейной литературе³. М. Н. Покровский правомерно расценил ее как имеющую давнюю историю «жестокую атаку» на общепринятую ленинскую партийную традицию во взглядах на Чернышевского⁴. Но развернувшаяся борьба за марксистско-ленинское понимание Чернышевского высветила всю сложность вопроса о соотношении его идейно-теоретического наследия с теорией научного коммунизма. В своей критике взглядов Стеклова историки не сумели в полной мере опереться ни на марксистские работы Плеханова, который еще на рубеже 80—90-х гг. «вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»⁵, ни на концепцию В. И. Ленина, заключавшую в себе методологическую основу конкретно-исторической разработки проблемы.

По отношению к Плеханову многие историки разделяли, видимо, взгляд М. В. Нечкиной, будто его работа о Чернышевском уже «утратила... огромную долю своего научного значения»⁶. Что же касается концепции Ленина, то она просто не была еще всесторонне осмыслена. В канун дискуссии Нечкина, отмечая неразработанность темы о влиянии Чернышевского на дальнейшее революционное движение, о восприятии его идей позднейшими революционерами, писала: «В эту тему входит другая, с которой надо бы начать: как относился Ленин к Чернышевскому и

¹ См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 133—134.

² См. там же. С. 147.

³ См. обстоятельные обзоры М. В. Нечкиной: Накануне юбилея Н. Г. Чернышевского // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 173—179; Юбилейная литература об Н. Г. Чернышевском // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 211—221.

⁴ См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 148.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 259.

⁶ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 173.

что он о нем писал? Сделано тут что-нибудь? Пока — ничего»¹.

Лишь в ходе дискуссии историки обратились к важнейшим ленинским оценкам, чему способствовало издание Институтом Ленина при ЦК ВКП(б) специального сборника «Ленин и Чернышевский»². Но аналитическая работа над той частью литературного наследия Ленина, которая касалась Чернышевского, была еще впереди, и это не могло не сказаться на ходе и результатах дискуссии.

М. В. Нечкина констатировала, что в ходе дискуссии Стеклов отступил от своих позиций и приблизился к правильной точке зрения Покровского. Разница между ними, утверждала она, была уже не в существе дела, а в формулировках, и, следовательно, правильный взгляд на Чернышевского в основном установлен³. В действительности же все это было гораздо сложнее. Хотя Покровский и утверждал, что он защищал тот взгляд на Чернышевского, которого «всегда держалась наша партия, в лице, главным образом, Ленина», на деле он согласился с Рязановым, чья точка зрения отнюдь не совпадала с ленинской. Суждения Покровского, несмотря на то что он во многом избавился от прежней трактовки Чернышевского, оставались противоречивыми. С одной стороны, он утверждал, что у Чернышевского были как народнические, так и близкие к марксизму черты⁴, а с другой — что он «не был ни народником, ни марксистом», а был «крестьянским революционером, точнее говоря, идеологом крестьянской революции»⁵.

Расшифровка этого положения у Покровского оказалась сильно вульгаризированной. Характерную черту идеологии Чернышевского как выразителя «класса-амфибии», способного развиваться как в буржуазном, так и в социалистическом направлении, он усмотрел в переплетении перехода «от крестьянства зажиточного, от крепкого мужичка, к деревенской бедноте». Только в последнем случае Чернышевский и был революционером, буржуазным демократом и, следовательно, «великим предшественником» народничества⁶. Ту нить, которая исторически связывала Чернышевского с социал-демократией, Покровский еще только нащупывал, пересматривая свои прежние пред-

¹ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 179.

² Ленин и Чернышевский. М., 1928.

³ См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 145.

⁴ См. там же. С. 148—149.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ См. там же.

ставления об идеологических направлениях той эпохи, когда «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое...»¹.

Важно, однако, подчеркнуть, что в ходе дискуссии о Чернышевском был поставлен вопрос о соотношении его воззрений как наиболее полном воплощении «наследства» 60-х гг. с теорией научного социализма. Специально анализируя это соотношение, В. Кирпотин отверг построения Стеклова и показал, что Чернышевский не поднялся до уровня марксизма, хотя и пришел к выводам, которые уже «не вполне умещались в рамках старого утопизма». Теоретическая работа Чернышевского не осталась втуне. «Изучение Чернышевского, — писал исследователь, — помноженное на бакунинскую революционную практику, при первых шагах русского рабочего движения дало возможность передовой группе русской революционной молодежи адекватно усвоить западноевропейский марксизм»².

Эта мысль в несколько иной форме нашла отражение в составленных М. Н. Покровским тезисах о Н. Г. Чернышевском³. В них справедливо утверждалось, что из всех утопических социалистов Чернышевский ближе всех подошел к научному социализму, что его идеи владели умами революционной молодежи вплоть до утверждения в нашей стране марксизма и «для многих в конце этого периода были путеводной звездой, ведшей именно к марксизму». Тезисы, наряду с правильной характеристикой Чернышевского как идеолога крестьянской революции, содержали в себе и ошибочные установки, имевшие далеко идущие исторические последствия. Утопически-социалистическое учение Чернышевского было объявлено «слабой стороной его писаний». «Ошибки и непоследовательности» Чернышевского, раздутые и преувеличенные его мелкобуржуазными учениками, составили якобы основное содержание учения народников, в котором «сильнее всего отразился Чернышевский — буржуазный демократ и утопист и слабее всего Чернышевский — провозвестник научного социализма».

Историографическое значение тезисов всецело опреде-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 280.

² Кирпотин В. Чернышевский и марксизм // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 40. См. также рецензию В. Кирпотина на монографию Ю. Стеклова о Чернышевском (Историк-марксист. 1929. Т. 2. С. 162—169).

³ Н. Г. Чернышевский: Тезисы тов. М. Н. Покровского, согласованные с АПО ЦК и МК ВКП(б) // Правда. 1928. 15 ноября.

лялось тем, что в них были суммированы основные ленинские оценки Чернышевского. Мысль о том, что эти оценки дают «лучшее, что может дать марксистский анализ по отношению к великому крестьянскому революционеру 60-х годов», правильно ориентировала исследователей на решение вопроса о Чернышевском как предшественнике русской социал-демократии.

Существенный шаг вперед в этом отношении сделал А. И. Ломакин, выступивший с докладом «Чернышевский и Ленин» на секции истории ВКП(б) Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Он видел свою задачу в том, чтобы рассмотреть сквозь призму воззрений Ленина высказанные в ходе дискуссии различные оценки взглядов Чернышевского, подвести ее итоги, а также показать, «что именно Ленин, а с ним и наша партия восприняли в качестве наследства от своего выдающегося идейного предшественника»¹. Отвергнув распространенное среди некоторой части историков мнение, будто Ленин «специально Чернышевским не занимался и вообще его мало знал», докладчик показал огромное методологическое значение ленинских оценок для подлинно научного решения вопросов, вызывавших особенно острые споры.

А. И. Ломакин пришел к выводу, что «ошибочная и вредная» точка зрения Стеклова может теперь «считаться разоблаченной». Но наиболее вредной он называл ту точку зрения, традиции которой, по его мнению, восходят к Плеханову. Эта традиция, полагал он, была еще «настолько сильна, что ей следовали многие участники дискуссии, просмотревшие в Чернышевском основное, — то, что так часто подчеркивал и высоко ценил в нем Ленин, — его позицию революционного, боевого и последовательного демократизма»². Доказывая несостоятельность этой традиции, Ломакин впервые использовал еще не опубликованные в то время пометы и замечания Ленина на полях книги Плеханова (1910 г.) о Чернышевском. Эти замечания, имеющие принципиальное значение для оценки взглядов Плеханова-меньшевика, Ломакин безоговорочно распространил и на Плеханова периода 1890—1892 гг., когда он выступил со статьями о Чернышевском в «Социал-демократе». Отсюда и проистекал методологически неверный взгляд о «коренном различии» в отношении к «наследству»

¹ Ломакин Арк. Чернышевский и Ленин // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. С. 248.

² Там же. С. 252—253.

Чернышевского, с одной стороны, Ленина и с другой — Плеханова¹. Неверной была и мысль Ломакина о том, что при исследовании и оценке Чернышевского важно не столько выяснение соотношения его теоретических воззрений с марксизмом, сколько анализ их классовой сущности и политической целенаправленности². В. И. Ленину, уточнившему и обогатившему плехановское понимание революционного наследства 60-х гг., поставившему его на службу партии в борьбе за победу пролетарской революции, подобное противопоставление было, конечно, абсолютно чуждо.

Тем не менее попытка рассмотрения взглядов и политических позиций Чернышевского сквозь призму ленинских оценок позволила Ломакину сказать, что его «нельзя ставить на одну доску с утопистами обычного толка», что он «представлял своеобразный переход к научному социализму...»³. Центральный тезис, обоснованный докладчиком, сводился к тому, что наследство, воспринятое Лениным от Чернышевского, состояло в традициях и идеях боевого и последовательного демократизма, что именно эти идеи «и являются тем основным звеном, которое связывает и соединяет Чернышевского и Ленина, эти две высочайшие вехи в истории социализма в России»⁴.

Это было, конечно, важным завоеванием историко-партийной науки, хотя многие аспекты проблемы оставались еще в стадии постановки и требовали серьезных конкретно-исторических изысканий. Не случайно весь комплекс вопросов, касающихся предшественников российской социал-демократии, соотношения революционно-народнической теории и практики с большевизмом, стал объектом пристального внимания историков в 1929—1931 гг., когда в стране широко отмечалось 50-летие «Народной воли». Развернувшаяся в связи с этим юбилеем очередная дискуссия приобрела необычайную политическую остроту, поскольку она затрагивала проблему взаимоотношений пролетариата и крестьянства на различных этапах революционной борьбы. Именно так определялся идейно-политический стержень дискуссии в «Тезисах Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли», где был подчеркнут двуединый подход к этой юбилейной дате: с одной

¹ См.: Ломакин Арк. Чернышевский и Ленин. С. 260.

² См. там же. С. 257.

³ См. там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 260.

стороны, с точки зрения предыстории большевистской партии, а с другой — с точки зрения рассмотрения и разрешения поставленного Лениным вопроса об отношении рабочего класса к мелкой буржуазии и ее программам¹.

Эта сторона юбилейной кампании в полной мере раскрылась в процессе обсуждения статьи И. А. Теодоровича об историческом значении «Народной воли»². Не ставя своей целью осветить сложные и крайне противоречивые теоретико-методологические подходы участников трехлетней дискуссии к решению поставленной задачи, отметим лишь аспекты, наиболее существенные для нашей темы. Общий смысл выступления Теодоровича состоял в попытке взглянуть на идеологию и политическую борьбу «Народной воли» с точки зрения назревания и развития социалистической революции не только в России, но и в Западной Европе. Автор исходил из того, что социальной опорой «Народной воли» являлся разоряемый капитализмом мелкий товаропроизводитель, который, однако, уже выделил из себя переходную — от пауперизованных товаропроизводителей к пролетариату — группу «пролетария-отца», т. е. пролетария, который еще мечтал о возвращении к самостоятельному мелкому хозяйству. В «пролетарии-отце» автор видел связующее звено с «пролетарием-сыном», т. е. современным рабочим классом.

С точки зрения Теодоровича, именно группа «пролетария-отца» представляет глубокий научный интерес: с нею вошла в теснейшее соприкосновение «Народная воля», все больше и больше опираясь на нее. Поэтому наследство «Народной воли» оказалось чрезвычайно ценным, и «пролетарий-сын» «не мог с небрежностью сбросить со счетов громадный опыт борьбы, проделанный его отцом». В соответствии с этим Теодорович видел великое историческое значение «Народной воли» не только в том, что она «объективно должна была быть организатором очень важных резервов, в первую голову крестьянских, для единой мировой социалистической революции», но еще и в том, что «в своей борьбе она накопила громадный политический, тактический и организационный опыт, который умело использовали, соответственно модернизировав его, революционные марксисты»³.

¹ См. приложение в кн.: Дискуссия о «Народной воле». М., 1930. С. 193—205.

² Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля» // Каторга и ссылка. 1929. № 8—9 (57—58).

³ Там же. С. 24, 32.

В «Народной воле» Теодорович видел три течения: «одно главное, коренное, и два уклона». «Правый уклон выражал идеологию «товарного мужика», а «левый» — был уже «пред-социал-демократическим», так как отражал воззрения группы «пролетария-отца», все более и более переходящей в группу «пролетария-сына». Правый уклон, отпочковавшись от народофильства, развивался через «народопрямство и освобожденство к кадетизму и близким к нему системам, «левый» же — вырос потом в социал-демократию»¹.

Представляется неверным мнение современного исследователя «Народной воли» М. Г. Седова, что все эти положения, ограничься Теодорович только ими, не вызвали бы серьезных возражений². Напротив, возражения последовали немедленно, причем именно в связи с вульгарно-социологическим представлением о социальной базе народофильства и прямолинейным сближением его «левого» крыла с социал-демократией. Суждения Теодоровича стояли в полном противоречии с ленинской трактовкой социальной базы и определяющих тенденций эволюции народофильства³. Сознывая это, Теодорович совершенно неосновательно ссылаясь на то, что Ленин будто бы определял народофильство «в его целом, в его массе и справедливо игнорировал его уклоны»⁴.

И. А. Теодорович откровенно сближал идеологию народофильства с ленинизмом, выводя его «родословную из идейного и программно-тактического арсенала «Народной воли». Опираясь на известное ленинское разграничение «крестьянского» социализма революционного народничества и «мещанского» социализма народничества либерального, Теодорович фактически выносил социалистические идеи народофильцев за рамки чистого утопизма, сближал «социализм» мелкого производителя с пролетарским социализмом. Для него это — последовательные этапы развития «отнюдь не тождественных, а только более или менее сходных, близких явлений»⁵. Формально историк не мог, конечно, отрицать утопический характер социалистических воззрений «Народной воли». Но он ставил их в один ряд с

¹ Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля». С. 50—51.

² См.: Седов М. Г. Героический период революционного народничества: (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 39.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 286.

⁴ Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля». С. 51.

⁵ Там же. С. 41.

утопически-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуэна, ссылаясь на оценку последних Энгельсом и Лениным¹.

Исходя из этой внеисторической посылки, Теодорович делал вывод о том, что «ленинизм развил в законченную пролетарскую систему *зародыши* гениальных идей», встречающихся у народофильцев². Очевидно, что перед нами те же поиски «корней большевизма в русской почве», основанные в данном случае на вульгарном понимании процесса классового образования в пореформенной России, полном абстрагировании от условий, места и времени возникновения и функционирования идей французского утопического социализма как одного из источников марксизма и утопически-социалистических представлений «Народной воли».

Весь пафос статьи Теодоровича сводился к доказательству того, что своей идеологической деятельностью, не говоря уже о тактике и организации, «Народная воля» «расчищала пути для дальнейшей работы последовательного революционного марксизма...»³. Она «в смутной, зародышевой форме» выразила не только идею гегемонии рабочего класса, но и идею «государства Советов», в довольно ясной форме нащупывала идею переходного периода, нэпа, предвосхитила ленинские принципы организационного строения партии и т. д.⁴

Такая вопиющая модернизация идеологических и программно-тактических основ «Народной воли», искажавшая не только объективный смысл ее деятельности, но и открывавшая широкий простор для совершенно ложного истолкования ленинского учения о «наследстве» предшественников революционной социал-демократии России, встретила решительный отпор со стороны окрепшей историко-партийной мысли. В ходе дискуссии в Обществе историков-марксистов (январь — февраль 1930 г.), а затем и в печати взгляды Теодоровича подверглись всесторонней и достаточно обоснованной критике (Э. Б. Генкина, Е. М. Ярославский, И. Л. Татаров, В. Ф. Малаховский, Э. Я. Газганов, П. О. Горин и др.)⁵. При этом участники

¹ См.: Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля». С. 44.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 44.

⁴ См. там же.

⁵ Дискуссия о «Народной воле». М., 1930. См. также: Малаховский Вл. На два фронта: (К оценке народофильства). М., 1930. С. 54—62 и др.

дискуссии справедливо доказывали, что позиция Теодоровича смыкается с выступлениями С. И. Мицкевича, Ю. М. Стеклова и других историков в спорах предшествующих лет. Э. Я. Газганов, например, говорил: «...постановка вопроса, которую дает в своих работах Стеков, методологически на все 100% совпадает с той точкой зрения, какую развивает т. Теодорович...»¹

Выясняя антинаучный характер подхода Теодоровича и его немногочисленных сторонников (С. И. Мицкевич, А. Ф. Рындин) к проблеме предшественников большевизма, участники дискуссии особое внимание сосредоточили на ее методологических аспектах. При этом, естественно, они опирались на ленинские оценки идеологии крестьянской демократии в ее соотношении с марксизмом, революционной социал-демократией. Впервые эти оценки стали воспроизводиться в определенном концептуальном единстве, что и позволило в основном правильно наметить главные линии преемственности большевизма по отношению к тем, кого Ленин называл «нашими предшественниками», очертить круг демократических традиций, ставших достоянием революционного крыла российской социал-демократии, добиться большего или меньшего приближения к ленинской трактовке исторической роли революционеров-демократов «в подготовке русской революции».

Но целостное изучение проблемы было еще впереди. Участники первого Всесоюзного совещания по вопросам преподавания ленинизма, истории партии и истории Коминтерна, состоявшегося сразу после названной дискуссии, записали в резолюции по докладу Д. Кина «История партии как наука»: «При изучении вопроса о предшественниках революционной социал-демократии в России необходимо разработать ленинские указания в этом вопросе (вопрос о наследстве), вместе с тем решительно отвергая систематические попытки вывести большевизм из мелкобуржуазных народнических течений, попытки, сводящиеся к идеализации последних (Стеков, Теодорович и др.)»².

Вслед за тем в «Правде» от 9 апреля 1930 г. были опубликованы «Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли», в которых точка зрения Теодоровича расценивалась как смазывание различия между науч-

ным и утопическим социализмом, ведущее к неправильному представлению о путях перевода крестьянства на рельсы социализма в обстановке диктатуры пролетариата, к умалению руководящей роли рабочего класса. «Рассматривая большевизм как продолжение *социалистических* воззрений народолюбцев,— говорилось в Тезисах,— модернизируя идеи народолюбцев, т. Теодорович пересматривает ленинское понимание революционного «наследства», вошедшего в арсенал ВКП(б)»¹.

Отвергая модернизаторские тенденции, столь отчетливо проявившиеся в работах советских историков, Тезисы наносили удар по либерально-буржуазным и мелкобуржуазным (меньшевистским и эсеровским) оценкам идеологии и тактики «Народной воли». Особо подчеркивалась необходимость «преодолеть остатки меньшевистских воззрений, бороться *против игнорирования всего того прогрессивного* и революционного, что в народническом наследии действительно имеется»².

Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) подвели первые итоги методологической и историографической разработки ленинской концепции революционного народничества и явились важной вехой утверждения ее в советской историко-партийной науке. А это было необходимым условием дальнейшего конкретно-исторического изучения проблемы предшественников революционной социал-демократии России.

Дальнейший ход дискуссии показал, что в решении этой проблемы историко-партийная наука успешно, хотя и не без противоречий утверждалась на марксистско-ленинских методологических позициях. В этом отношении характерна эволюция взглядов М. Н. Покровского, который к концу 20-х гг. во многом преодолел свои прежние модернизаторские увлечения, связанные с поисками «корней большевизма» в идеологии предшественников российской социал-демократии. Еще в феврале 1924 г. в речи «Ленин в истории русской революции» он выразил согласие с заявлением старой большевички (а некогда «якобинки») М. П. Голубевой о том, что мелкобуржуазное учение якобинцев «в ленинскую идеологию не вошло и не могло войти», решительно отмежевался от нелепых попыток объявить Ленина учеником Ткачева и Зайчневского.

Вместе с тем, в основном правильно ставя вопрос об

¹ Дискуссия о «Народной воле». С. 66.

² Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. М., 1930. С. 316.

¹ Дискуссия о «Народной воле». С. 205.

² Там же. С. 202—203, 194.

отношении Ленина к наследству предшествующих революционных поколений, Покровский еще слишком прямолинейно решал вопрос о преемственной связи ленинизма с теорией и тактикой революционеров-разночинцев. Он утверждал, что «некоторые моменты русского революционного движения 60—70-х гг. влились в ленинскую тактику, были ею восприняты...». Указывая на развернувшуюся в 70-х гг. борьбу между сторонниками различных тактических направлений, Покровский совершенно неосновательно заявил, что Ленин будто бы «сумел координировать в одно стройное целое, стянуть всех этих забывших друг о друге и борющихся друг с другом революционеров старого времени», что, следовательно, ленинизм «есть настоящий синтез всего революционного движения...» в России¹.

В дальнейшем Покровский постепенно уточнял свои представления о связи большевизма с революционными традициями и «наследством» предшественников. В 1930 г. он опубликовал статью «По поводу юбилея «Народной воли», в которой решительно осудил попытки установления *идейной* связи различных течений в народничестве с большевизмом. Признавая связь последнего с предшественниками, добольшевистскими фазами развития революционного движения (по линии организационных форм, политической борьбы), он подчеркивал, что из этого «никак не следует, что мы из этих фаз, или одной из них, вышли. Те, кто видит в якобинцах ли или в народовольцах прямо «предшественников» большевизма, становятся на явно немарксистскую позицию...»².

Опираясь, далее, на ленинский анализ реального содержания и общественного значения народничества, Покровский доказывал, что «*по линии социализма* никакой «традиции» от народников к большевикам устанавливать нельзя», что линия развития идет от «классиков» (революционных народников) к «эпигонам» (либеральным народникам и эсерам), а не от народников к большевикам³. Народовольцы, справедливо утверждал историк, толкуя о социализме, на деле прокладывали путь демократической революции. Резко критикуя с этой точки зрения взгляды Теодоровича, он отметил, что «гениальные синтезы лени-

¹ См.: Покровский М. Н. Ленин в истории русской революции // Молодая гвардия. 1924. № 2—3. С. 241—249.

² Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 305—306.

³ См.: Покровский М. А. А. Богданов (Малиновский): Некролог // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XXVI (2). С. VI.

низма» «ничем не обязаны и не могут быть обязаны революционному народничеству, в частности народолюбию». Заслуга Ленина именно в том, что он преодолел народническое мирозерцание так четко, как никто другой»¹.

Однако Покровский и в то время не сумел до конца преодолеть некоторые слабые стороны в своей трактовке ленинской концепции народничества. В частности, он не видел того, что отличало идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии. Понятия «крестьянский социализм» и «мещанский социализм» оставались для него равнозначными. Поэтому, как и прежде, Покровский сблизил революционное народничество (в том числе и народолюбие) с буржуазным либерализмом. Все это позволяло ему прибегать к рискованным историческим параллелям, устанавливать связь воззрений народников 70-х гг. с «теперешним переплетом правого и левацкого уклонов», настаивать на историческом анализе этой связи для понимания современного политического положения. В таком анализе, полагал он, и «заключается специфическая, истории свойственная форма соединения теории с практикой»².

К 1930 г. относится попытка В. Я. Кирпотина обобщить и оценить накопившийся в ходе дискуссий 30-х гг. историографический материал по проблеме идейных предшественников марксизма в России. В своей сугубо полемической книге автор сосредоточил основное внимание на выявлении круга идей, подготовивших торжество марксизма в истории русской общественной мысли³. Его отправная методологическая установка сводилась к тому, что предшественниками марксизма и ленинизма в России являются представители тех теоретических течений в нашем революционном прошлом, которые подготавливали «правильное понимание и адекватное усвоение родившегося на промышленном Западе марксизма». При этом подчеркивалась необходимость строго учитывать, что речь идет именно о предшественниках русских марксистов, а не о генезисе марксизма, как такового, ибо последний был позаимствован с Запада⁴.

¹ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. С. 313.

² См. там же. С. 312, 393.

³ См.: Кирпотин В. Идейные предшественники марксизма-ленинизма в России. М., 1930. С. 3, 14.

⁴ См. там же. С. 3, 4, 96.

С этих позиций Кирпотин стремился раскрыть внутреннее содержание важнейшего положения Ленина о Герцене, Белинском, Чернышевском и блестящей плеяде революционеров 70-х гг. как предшественников русской социал-демократии¹. К сожалению, это стремление не привело автора к строго научным результатам: он встал на ошибочный путь противопоставления социалистических взглядов Н. Г. Чернышевского утопически-социалистическим (народническим) воззрениям Герцена и революционных народников 70-х гг. По его мнению, Чернышевский, подобно великим социалистам-утопистам Запада, при всем несовершенстве своего социализма был социалистом «в самом деле». Герцен же, полагал он, был носителем иллюзорного социализма «очень низкого пошиба», а потому и не подлежащего никакому сопоставлению с классическим утопическим социализмом, не говоря уже о социализме пролетарском².

Из этого следовало, что Герцен принадлежал к числу предшественников марксизма в России лишь одной стороной своих воззрений, связанной с его диалектикой, причем, по глубоко ошибочному мнению Кирпотина, диалектиком он был лишь до 1848 г. Представляя Герцена (до 1848 г.) «очень ярким последователем Гегеля», автор заключал: «Подобно тому, как диалектика Гегеля подготовляла марксизм на Западе, так и диалектика Герцена подготовляла лучшие русские умы к восприятию марксизма в России...» Что же касается Белинского, то он, по мнению Кирпотина, был диалектиком еще более сильным, чем Герцен, и шел от Гегеля к Фейербаху тем путем, который был торной дорогой к марксизму на Западе. Поэтому автор признал Белинского предтечей Чернышевского, а последнего — «самым ярким, самым близким предшественником марксизма в России», поскольку он, в отличие от Герцена, подходил к нему «всем фронтом своих воззрений»³.

Обосновывая правильное положение о Чернышевском как мыслителе, «наиболее близко подошедшем к марксизму», Кирпотин ссылался на Плеханова; при этом в трактовке идейного развития Чернышевского он не только повторил отдельные слабые стороны плехановского анализа, но и включил некоторые из них в систему своей аргументации.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 25.

² См.: Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 17, 81.

³ См. там же. С. 18—20, 28.

Г. В. Плеханов еще в 1883 г. объявил Чернышевского родоначальником русской социальной демократии¹, а позднее решительно отказался считать его и родоначальником народничества². Следуя за Плехановым, Кирпотин и попытался отделить Чернышевского от общего направления народнической мысли, доказать, что он «не был типичным народником», что он был таковым лишь по классовому значению своей деятельности, но не по своим взглядам³. В данном случае автор сознательно абстрагировался от недвусмысленного ленинского положения о том, что Чернышевский вслед за Герценом развивал народнические взгляды⁴. Кирпотин считал Герцена основоположником народничества, представители которого базировали всю свою деятельность на его теории «русского социализма». В итоге получалось, что круг идей и метод Чернышевского вместе с идеями русских гегельянцев помог русским марксистам адекватно усвоить учение Маркса и Энгельса, а путь от Герцена вел к Бакунину, Лаврову, Михайловскому, к «Земле и воле», «Народной воле» и «был в теоретическом отношении путем выработки враждебного марксизму течения». «Чернышевского, — писал Кирпотин, — мы должны зачислить в разряд подготовителей марксизма, народничество же — в перечень врагов, в борьбе с которыми марксизм рос и утверждал свою гегемонию»⁵.

Это была, конечно, крупная методологическая ошибка. Хотя Чернышевский сделал громадный шаг вперед в сравнении с Герценом, утопически-социалистическая форма равно облекала их революционно-демократические по своей объективной сущности программы, и оба мыслителя были родоначальниками идеологии революционного народничества, которое пережило основные циклы своего развития до зарождения марксизма в России, а потому и не могло в 60—70-х гг. выступать в качестве враждебной ему силы. Для Кирпотина осталась неясной революционизирующая роль герценовской теории «русского социализма», главные идеи которой были не чем иным, как формулировкой «революционных стремлений к равенству со стороны крестьян...»⁶. Автор не сумел разобраться во всей глубине

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 19.

² См. там же. М.; Л. [1924]. Т. 6. С. 369.

³ См.: Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 71—72.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

⁵ Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 72—73.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 258.

и сложности напряженных идейных исканий, которые в конечном итоге обусловили переход Герцена «от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»¹. А ведь именно этот переход наиболее ярко высвечивает ту линию преемственности Герцена-революционера с марксизмом, которая начисто отвергалась буржуазно-либеральной историографией.

Тем не менее Кирпотин высказал немало интересных мыслей о соотношении мелкобуржуазной идеологии и марксизма, сумел выяснить ошибочность попыток Стеклова изобразить Чернышевского чуть ли не основоположником марксизма-ленинизма в России и заодно подтянуть Бакунина к научному социализму. Он подверг резкой критике стремление сблизить идеи народолюбия с большевизмом (И. А. Теодорович), опроверг представления о Д. И. Писареве как мыслителе, который подготавливал умы к восприятию марксизма даже больше, чем Чернышевский (В. Ф. Переверзев, отчасти Б. П. Козьмин), развенчал идею происхождения большевизма от народничества и лассальянства (Н. Л. Сергиевский). Но, повторяем, в полной мере осмыслить ленинскую концепцию предшественников российской социал-демократии Кирпотин не сумел. Отмеченная Лениным важнейшая особенность эпохи Чернышевского (неразъединимая слитность демократизма и социализма)² не была им учтена, что и породило противопоставление утопического социализма Чернышевского так называемому «русскому социализму» Герцена.

Вполне понятно, что Кирпотин не сумел избежать серьезных противоречий и ошибок. Иначе не могло и быть, поскольку он объявил революционно-народническую теорию не только враждебной марксизму, но и реакционной. Эта оценка, стоящая в полном противоречии с концепцией Ленина, заводила автора в тупик, ибо он должен был ответить на вопрос: почему же Ленин относил «блестящую плеяду революционеров 70-х годов» к числу предшественников русской социал-демократии.

Ответ Кирпотина оказался крайне противоречивым. С одной стороны, он начисто исключал революционных народников 70-х гг. из числа *идейных* предшественников марксизма в России на том именно основании, что их теоретические воззрения были ниже учения Чернышевского,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 257.

² См. там же. Т. 1. С. 280.

с другой — он признавал у них общедемократические, революционные элементы, которые, как указывал Ленин, русская социал-демократия выделяла из народнических учений и признавала «своими»¹. Отстаивая мысль о том, что марксисты ровным счетом ничего не могли почерпнуть из народнической теории, автор тем не менее находил в идейно-политическом багаже ее носителей элементы, которые являлись, по его мнению, «подготовительными по отношению к марксизму». В ряду «идейных источников марксизма в России» он называет, помимо гегельянства и идейного наследия Чернышевского, «сознание необходимости политической борьбы с самодержавием у народолюбцев и организационные идеи земледельцев и тех же народолюбцев...»².

Сильная сторона работы Кирпотина состояла в том, что в ней проводилась довольно четкая грань между вопросом о предшественниках русской социал-демократии и проблемой генезиса марксизма в России. Автор полностью принимал ленинскую точку зрения в оценке группы «Освобождение труда» как родоначальницы «русского марксизма»³ и уже в силу этого не мог согласиться с поисками его «корней» в различных течениях домарксистской общественной мысли, как и с попытками отыскать первых русских марксистов в 70-х гг. Это было очень важно: проблема перехода русской революционной мысли от утопии к науке была переведена в плоскость преодоления слабых сторон мировоззрения предшественников, что имело решающее значение и для научной постановки главных вопросов генезиса ранней марксистской мысли в стране.

Но, с другой стороны, эта плоскость легко могла превратиться в «наклонную», ибо во взглядах Кирпотина отчетливо прорисовывались контуры концепции, которая базировалась на антинаучном противопоставлении революционеров-шестидесятников «классическому» народничеству 70-х гг. По отношению к последнему это очень скоро вылилось в целый поток обличительной литературы, что отнюдь не способствовало научному решению проблемы предшественников. В своем стремлении опереться на основополагающие идеи Ленина Кирпотин не сумел охватить их в том диалектическом, концептуальном единстве, которое было абсолютно необходимо для целостного решения

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 232; Т. 6. С. 336.

² Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 28.

³ См. там же. С. 16.

проблемы соотношения домарксистских прогрессивных идейно-политических течений страны с идеологией рабочего класса.

В связи с изучением этой проблемы пристальное внимание историков привлекла идеология первых самостоятельных рабочих организаций 70-х гг. Для работ изучаемого периода характерна некоторая переоценка уровня классового самосознания рабочих того времени и в связи с этим неоправданная акцентировка на социал-демократическом «наполнении» программных документов указанных организаций. В значительной мере это явилось реакцией на писания «экономистов» и меньшевиков, которые, как справедливо отмечал М. Н. Покровский, уже в силу своих ошибочных взглядов на характер рабочего движения в России не в состоянии были подняться над историей экономической борьбы в узком смысле этого слова, обесцвечивали яркую и красочную картину пролетарской борьбы (в том числе и досоциал-демократического периода)¹.

Как же смотрели на идеологию передовиков рабочей демократии 70-х гг. советские историки? А. С. Бубнов считал, что именно «Северный союз русских рабочих» являлся зародышем революционной пролетарской партии в России; с ним он связывал начало первого периода ее истории². Эту точку зрения полностью разделял Ю. М. Стеклов³. А. Шилов на основе анализа газеты «Рабочая заря» № 1 (органа «Северного союза») пришел к выводу, что в ней еще в неразработанном виде намечались течения будущей социал-демократии. Группа «Освобождение труда», полагал он, впоследствии лишь философски обосновала и развила основные положения, зародившиеся пока еще в небольшой группе рабочих⁴. Н. Авдеев категорически утверждал, что объявлять группы Плеханова и Благоева первыми марксистскими организациями — значит руководствоваться формальной, а не исторической точкой зрения, так как первыми (по времени) ячейками социал-демократической рабочей партии в России были рабочие союзы 70-х гг. Но в обоснование этого взгляда автор

¹ См.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. С. 324—325.

² См.: Бубнов А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. С. 1—8.

³ См.: Стеклов Ю. М. Борцы за социализм: Очерки из истории общественных и революционных движений в России. М.; Л., 1924. Ч. 2. С. 44, 47.

⁴ См.: Шилов А. Последняя страница из жизни «Северного рабочего союза» в Петербурге в 1880 г. // Красная летопись. 1922. № 2—3.

выдвигал лишь тот факт, что эти организации раньше других выдвинули идею политической борьбы рабочего класса. Правда, он делал оговорку, что рабочие союзы 70-х гг. «еще не были вполне марксистскими», подчеркивая вместе с тем, что группа «Освобождение труда» и Благоевская группа «тоже не сразу стали строго марксистскими»¹. В русло этих представлений вписывается и отмеченная выше точка зрения Н. Н. Батурина, который лишь заострил ту постановку вопроса об идеологии рабочего класса 70-х гг., которую выдвигал еще в 1906 г.

Противоречиво характеризовал соотношение идеологии рабочих союзов 70-х гг. с социал-демократией М. Н. Покровский. В рабочем движении этого десятилетия он видел основу постепенного формирования марксистского мировоззрения. В своем «Сжатом очерке» он определял «Северный союз» как первую революционную пролетарскую организацию с эклектичной программой («бакунинская голова» и плохо прилаженный к ней длинный хвост демократических требований — «в грубых чертах набросок того, что впоследствии получило название «программы-минимум»)².

Через 2—3 года Покровский во многом пересмотрел свой взгляд на «Северный союз». Он утверждал теперь, что последний — не самая интересная из самостоятельных рабочих организаций 70-х гг., ибо программа его была «чрезвычайно мало революционной». Несравненно более революционной он признал программу «Южно-российского рабочего союза». При этом историк опирался не столько на анализ программных документов обеих организаций, сколько на ошибочное противопоставление социальной базы, на которую они опирались (Северный союз — организация текстильщиков, Южный — металлистов)³.

Характерно, что в трактовке преемственных связей идеологии рабочих союзов с русской социал-демократией Покровский акцентировал внимание не на идейных сдвигах, а на петербургских стачках, связывая с ними «идеологический переворот» в мировоззрении Плеханова, а также на новой, якобы социал-демократической ориентировке Желябова. Недостаточно внимательное отношение истори-

¹ См.: Пролетарская революция. 1923. № 6-7 (18—19). С. 315—316.

² См.: Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921. Ч. 1—2. С. 258—259.

³ См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.; Л., 1927. С. 64.

ка к идейным источникам программных документов первых рабочих организаций и явная модернизация народо-вольческой «Программы рабочих членов партии «Народная воля» никак не могли дать научно обоснованное направление для дальнейшей разработки проблемы предшественников.

Наиболее значительный шаг вперед в разработке этой проблемы сделал В. И. Невский. Еще в начале 20-х гг. он признал «Южно-российский рабочий союз» «первой рабочей социалистической организацией», испытавшей влияние I Интернационала и, стало быть, учения Маркса¹, но тем не менее именно «Северный союз» считал действительным предшественником русской социал-демократии². В его деятелях, передовых рабочих, он видел людей «нового типа», стремившихся не только выразить и оформить интересы всей рабочей массы, но и пытавшихся «теоретически обосновать и практически проверить программу классовой социалистической организации пролетариата». «Северный союз», по мнению историка, указал тот путь рабочего движения, исчерпывающее теоретическое и научное обоснование которому вскоре дал Плеханов³.

Позднее подробный анализ программы «Северного союза» привел Невского к заключению, что она представляла собой «самостоятельное приспособление русскими рабочими программы западноевропейских рабочих социалистических партий к русским условиям»⁴. Но поскольку в программе отсутствовала идея диктатуры пролетариата, постольку он считал ошибочной точку зрения тех авторов, которые видели в «Северном союзе» «начало наших социал-демократических организаций». «Это была организация, — писал он, — в высшей степени приближающаяся к социал-демократическим организациям, но не социал-демократическая в том смысле, в каком мы можем назвать социал-демократической группу «Освобождение труда»⁵.

В общей оценке идеологии «Северного союза» Невский полностью согласился с Г. В. Плехановым, который, как известно, считал, что программу этой рабочей организации

¹ См.: *Невский В.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 159—163.

² См. там же. С. 166.

³ См. там же. С. 172.

⁴ *Невский В. И.* Предшественник нашей партии: (Северный союз русских рабочих). М., 1930. С. 35.

⁵ *Невский В. И.* Северно-русский рабочий союз // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 277—278.

назвать «вполне социал-демократической» нельзя в силу того, что в нее вошла немалая доза народничества¹. Невский же, выдвигая другие доводы, также считал программу «Северного союза» эклектичной по своему характеру, а тот факт, что «Северный союз» не поднялся до социал-демократизма в истинном значении этого слова, он объяснял отсталостью рабочего движения 70-х гг., хотя и подчеркивал, в противовес Покровскому, что это была организация металлистов — наиболее развитого, наиболее сознательного слоя рабочего класса. Главную заслугу «Северного союза» Невский видел в стремлении передовых рабочих создать в России такие условия, в результате которых рабочая организация могла бы «бороться за конечную цель рабочего движения так же, как борются рабочие на Западе»². Историк особо подчеркивал большую роль некоторых деятелей «Северного союза» (Петерсона, Моисеенко и др.) в деле организации первых русских социал-демократических объединений в течение 80-х и 90-х гг.

Как видим, взгляды советских историков на соотношение идеологии первых самостоятельных рабочих организаций 70-х гг. с социал-демократизмом не были однозначны, поскольку была различной оценка выдвинутой передовыми рабочими политической программы для решения старой народнической дилеммы: или социализм, или политическая борьба. Односторонний упор на эту сторону дела без учета всех слагаемых программы и тактики рабочих организаций 70-х гг. обозначил, с одной стороны, крен к преувеличению их места в процессе утверждения марксизма на русской почве, а с другой — к недооценке мировоззренческого переворота, осуществленного группой «Освобождение труда» в связи с теоретическим основанием русской социал-демократии.

Важен, однако, сам факт изучения идейных достижений рабочих союзов 70-х гг. в связи с общей проблемой предшественников российской социал-демократии. Это изучение дало первые значительные результаты: обогатились представления о характере сознательного рабочего движения 70-х гг., об идейных источниках и уровне его общественно-политических воззрений, о соотношении его с революционно-народническим движением. Тем самым в по-

¹ См.: *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1923. Т. 3. С. 186. Отметим, что в начале своей деятельности в качестве марксиста Плеханов без всяких оговорок называл программу «Северного союза» социал-демократической (см. там же. Т. 2. С. 343).

² *Невский В. И.* Северно-русский рабочий союз. С. 277—278.

вестку дня историко-партийной науки был поставлен вопрос о влиянии идеологии «рабочей демократии» 70-х гг. на развитие революционной мысли России в сторону марксизма. Предстояла еще огромная работа по всестороннему осмыслению и конкретизации ленинских взглядов на процесс выделения пролетарски-демократической струи из общедемократического потока, выяснению содержания понятия «рабочая демократия», которым Ленин определял идеологию Южнороссийского и Северного союзов русских рабочих¹.

Таким образом, проблема предшественников русской социал-демократии заняла в исследовательской практике 20 — начала 30-х гг. одно из приоритетных мест. Будучи связанной с различными аспектами внутривнутрипартийной борьбы и идеологической работы партии, эта проблема стала объектом острейших дискуссий, которые наглядно показали, насколько противоречивым и трудным был путь утверждения марксистско-ленинской методологии в исследовании соотношения сложных идейных образований передовой русской домарксистской мысли с марксистским направлением вообще, с большевизмом — в особенности. В этом отношении молодая советская историко-партийная наука шла по пути преодоления серьезных затруднений, связанных не только со слабой разработанностью многих общих и частных вопросов теории и практики как революционно-демократического, так и социал-демократического движения, но и с отсутствием методологически выверенных представлений о соотношении уровня русской марксистской мысли 80 — начала 90-х гг. с ленинизмом.

Тем не менее в ходе широких дискуссий был поставлен ряд важнейших проблем домарксистской революционной мысли России и предприняты серьезные попытки решения их в свете марксистско-ленинской методологии и ленинских взглядов. От одностороннего, порой недостаточно четкого понимания ленинских исторических взглядов историки шаг за шагом продвигались к восприятию их во всей глубине и концептуальной цельности. В итоге это позволило с позиций историзма взглянуть на «теоретические различия, которые есть между доктринами, приводящими к народничеству и марксизму, между *пониманиями* русской действительности и истории»² и на этой основе обеспечить победу ленинской концепции народничества, что являлось необ-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 72.

² Там же. Т. 1. С. 355—356.

ходимым условием и исходным моментом постановки проблемы в целом. Тем самым был положен предел распространению давней историографической тенденции, размывавшей принципиальные грани между идеологией «буржуазной крестьянской демократии» и марксизмом, на конкретном материале было осмыслено, «какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма и в чем их коренное отличие»¹.

Ленинские взгляды стали основой подлинно научной постановки проблемы предшественников русской социал-демократии как в широком политическом, так и в идейно-теоретическом отношении. И хотя в анализе соотношения идеологии крестьянской демократии с марксизмом допускались упрощения, порой неверно интерпретировались, оценивались и даже опускались отдельные важные звенья, историко-партийная мысль добилась значительных и неоспоримых успехов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 353.